

Японская интервенция в Сибири. Прелюдия

(Часть 2)^{*}

К.О. Саркисов

Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двусторонних отношений, но и внешней политики самой Японии. Японские, американские и советские архивные данные дают картину того, как это всё начиналось и что двигало теми, кто решился на эту авантюру.

Ключевые слова: революция, Дальний Восток, Чехословацкий корпус, бессилие оппозиции, Гото Симпэй, Чичерин.

До военной интервенции было ещё далеко. Союзники не могли договориться между собой, а главное – всё ещё надеялись найти общий язык с большевиками – единственно реальной силой в рухнувшей империи, которая могла быть обращена против Германии. Одновременно они продолжали снабжать деньгами и оружием разрозненные оппозиционные группы.

Проблема была найти фигуру, которая могла бы если не объединить всех, то обладать авторитетом, чтобы стать в центре антибольшевистского движения. Атаман Семёнов, имевший несомненное влияние в Забайкалье, давно получал деньги и оружие от французов и англичан, но на эту роль явно не годился – ни тогда, ни потом, хотя как-то в тяжёлую минуту Колчак вынужден был поставить его вместо себя. В начале апреля японцы всё ещё присматривались к Хорвату, прикидывая, насколько это серьёзная фигура для такой масштабной роли, как альтернатива Ленину.

Чтобы ускорить решение вопроса, в Токио из российской миссии в Пекине был командирован первый секретарь Владимир Владимирович Граве, о чём Хорват сообщил на очередной встрече с японским консулом в Харбине 6 апреля 1918 г. Сато, в телеграмме Мотоно, просил как можно внимательнее отнестись к Граве, чтобы продемонстрировать желание Японии помочь «здоровым силам» в России. *Насколько он знает, японская армия скоро определится в данном вопросе, и он просил Мотоно поторопиться с решением правительства* [1, с. 511].

Но Токио действовал осторожно – ставки были слишком высоки. Реализовывалась первая часть доктрины Мотоно – прежде всего, договориться с Пекином. Так как интересы

^{*} Окончание. Начало см.: Японские исследования. 2017. № 3. С. 16–32.

сторон совпадали, то 16 мая 1918 г. и было подписано двустороннее соглашение о военном и военно-морском сотрудничестве:

1. *Когда бы это ни произошло, если стороны посчитают, что общий мир и безопасность в регионе Дальнего Востока находятся под угрозой распространения здесь влияния Германии, они совместно рассмотрят меры, необходимые для преодоления проблем в создавшейся ситуации.*

2. *Средства и условия такого сотрудничества должны решаться компетентными органами двух стран при общем согласии сторон.*

Отдельной нотой Япония подтверждала, что срок действия соглашения будет определён военными, а также заявляла об *обязательстве вывести свои войска сразу после выполнения целей данного соглашения, как только прекратятся военные действия* [2, с. 287, 288, 302].

В те же майские дни 1918 г. шли интенсивные переговоры о начале японской интервенции на Дальнем Востоке. Идея односторонней японской акции вновь натолкнулась на явное нежелание американцев допустить это. Президент Вильсон всецело поддержал бы план введения в Сибирь большого контингента японских войск, чтобы сковать германцев и повлиять на ситуацию в европейской войне, однако опасается, что это же «бросит россиян в объятия немцев», говорил он 30 апреля на встрече с японским послом Исии [3, с. 794].

Однако события в России торопили с принятием решения. Колонна Чехословацкого корпуса, сформированного ещё при Временном правительстве для войны с Германией, в десятках составов по 40 вагонов в каждом по соглашению с большевистским правительством, заключённому в конце марта, к началу июня 1918 г. растянулась на тысячи километров по железной дороге от Пензы в сторону Владивостока, скапливаясь в крупных населённых пунктах. Медленное продвижение со всеми трудностями долгого пути в условиях разрухи привели к конфликту с большевиками, и в конце мая шли уже бои корпуса с Красной армией.

Появление на политическом поле нового игрока вносило коррективы в идеологию предстоящей интервенции. Теперь от союзников просили помощи чехословацкие части. Страны Антанты и США выступили в их поддержку. 3 июня Фрэнсис из Вологды телеграфировал Лансину, что отдал распоряжение генеральному консулу в Москве заявить Советскому правительству, что принятое им решение о разоружении корпуса будет рассматриваться Соединёнными Штатами как действия, инспирированные Германией и направленные против всех стран-союзниц [4, р. 188]. И на следующий день, помимо одобрения, он получил из Вашингтона концепцию плана иностранной интервенции. Ключевым был вопрос о японском участии. Начиная с января при обсуждении возможной интервенции главной заботой было не допустить единоличного японского вмешательства. Но Лансинг в телеграмме обращал внимание Фрэнсиса на то, что преобладающее японское участие неизбежно из-за отсутствия судов в Тихом океане, способных перебросить большое количество американских войск и снаряжения [4, р. 189].

Долгожданные перемены в позиции США и ухудшавшаяся ситуация на фронте – в результате боёв во второй половине мая и начале июня германские войска вышли к Марне в десятках километров от Парижа – подстегнули Англию, Францию и Италию в Верховном военном совете в Версале 3 июня принять решение о вооружённом вмешательстве в дела России и приглашении к участию в нём Японии. В меморандуме министра иностранных дел

Англии Артура Бальфура, врученном 8 июня японскому послу в Лондоне Тинда, было три условия:

- 1) союзники обещают уважать территориальную целостность России;
- 2) заявляют, что они не принимают чью-либо сторону во внутренней политике России;
- 3) союзные войска в России продвигаются насколько возможно на Запад с тем, чтобы войти в соприкосновение с австро-германскими войсками и нанести им поражение, вынудив их вернуть на восток дивизии с западного фронта.

Последнее условие не имело отношения к Японии, и Тинда в разговоре с Бальфуром интересовали другие вопросы. Главным было, почему в меморандуме не упомянуто о «лидирующей роли» Японии, о чём английский министр прежде неоднократно ему говорил. Бальфур возражал, что это и так очевидно [3, с. 822–825].

В ответной ноте от 21 июня, полностью соглашаясь с первыми двумя условиями, Япония заявляла, что хотела бы ограничить своё участие в экспедиции районом Восточной Сибири, а также, учитывая географическую близость и намерение направить наибольшее число войск, считает себя вправе претендовать на то, чтобы главнокомандующим войск при совместных действиях был бы назначен японец [3, с. 843, 844].

Этот ответ готовился в Токио около двух недель. Здесь обдумывали, как сформулировать свои условия, чтобы не натолкнуться на американское противодействие. Сверхчувствительность к позиции США в японской дипломатии стала заметной после прихода Гото Симпэй на пост министра иностранных дел. Он сменил Мотоно, покинувшего министерское кресло из-за тяжёлой болезни, хотя в газетах писали, что более серьёзной причиной, чем болезнь, была его неудачная попытка уговорить правительство на интервенцию ещё весной [5; 20 апреля 1918 г.].

Сомнения в отношении интервенции были и у японской общественности, а также в некоторых политических кругах. Уже в начале марта в правящей партии Кэнсэйкай энтузиазм сменился неуверенностью и пессимизмом, а в главной оппозиционной партии, Сэйюкай, – призывами к правительству не допускать легкомысленных поступков и проявлять сдержанность [5; 3, 9 марта 1918 г.].

После своего водворения в министерском кресле двухэтажного особняка на Касумигасэки 27 апреля 1918 г. Гото признавался английскому послу в Токио, что он *хотел бы пересмотреть всю политику в вопросе об интервенции в Сибири* [4, р. 196]. Он стал практиковать постоянные встречи с американским послом Моррисом, которому «конфиденциально» сообщал о некоторых нюансах в принятии решений японским правительством, и который об этом писал Лансину [4, р. 220]. Амплуа «информанта» иностранных послов Гото играл не впервые: с успехом он играл эту роль в прошлом с российском послом Малевским.

В сопроводительной записке к упомянутой ноте Гото Симпэй поручал Тинда сказать устно Бальфуру, что для Токио очень важно американское согласие на совместную интервенцию, и он против давления на Вашингтон в этом вопросе. К тому же, как выяснилось, согласие Вильсона на интервенцию было не окончательным. Тот продолжал колебаться, склоняясь к идее гражданской, а не военной миссии [3, с. 872].

Произошло заметное охлаждение и к идее создания сибирского правительства во главе с Хорватом. 30 апреля, через три дня после того, как он приступил к работе, Гото направил телеграмму в Пекин японскому посланнику Хаяси Гонсукэ. Он просил *в отношении помощи пока ничего твёрдо не обещать ни Кудашеву, ни Хорвату* [1, с. 524, 525]. Дело в том, что двумя неделями ранее в Токио представитель Хорвата Граве в присутствии Крупенского напомнил заместителю министра иностранных дел Сидэхара об обещании *генерал-майора Накасима в случае образования на прочной основе правительства предоставить помощь в размере 100 млн иен и направить войска* [1, с. 524, 513].

В ответ Сидэхара дал понять, что вопрос об оказании помощи антибольшевистским силам в Сибири «завис» из-за позиции Англии, представитель которой – Локхарт – вёл интенсивные переговоры с Троцким в расчёте убедить последнего заключить союз с Антантой для отражения германской угрозы. Дело дошло до того, что английское посольство в Токио обратилось со специальным меморандумом в японский МИД. В довольно жёстких выражениях, *со ссылкой на переговоры правительства Её Величества с г-ном Троцким, указывалось, что последние успешные бои семёновских казаков в Забайкалье в их движении к Чите осуществляются при поддержке японцев и французов, ставя эти переговоры под угрозу. Англичане просили «принять необходимые меры», чтобы не допускать военных действий Семёнова против большевиков и согласовывать действия японских военных атташе с английскими* [1, с. 545].

Японцам позиция Лондона была не по душе. Они, во-первых, не верили в успех этих переговоров, а во-вторых, в своё время с подачи той же Англии уже начали секретно оказывать существенную помощь атаману Семёнову. Креатура англичан – Семёнов теперь всё больше опирался на поддержку японцев. В своих воспоминаниях, опубликованных в Китае в конце 1930-х, когда он уже был не у дел, атаман высоко оценивал японскую помощь, с теплотой вспоминал «приставленного к нему» капитана, а потом майора Куроки, который не раз выручал его от давления китайских властей и *до конца своей жизни оставался его искренним и преданным другом*.

«Японский батальон в короткое время заслужил репутацию самой крепкой и самой устойчивой части в отряде, и люди, составлявшие его, приучили нас, русских офицеров, солдат и казаков, смотреть на японцев как на верных и искренних друзей национальной России, которые верность своим обязательствам ставят выше всего на свете, выше даже собственной жизни. Таким образом, в стенах сурового Забайкалья зародилась дружба и братство русских и японских солдат, которые были закреплены тяжёлыми потерями, понесёнными отрядом в этот период непрерывных боев с превосходными силами противника. Чувства моей братской привязанности и глубокой дружбы к капитану, впоследствии майору, Куроки навсегда останутся неизменными в моём сердце» [6].

В конце июня 1918 г. после серии успешных боёв отряды Семёнова стали терпеть поражение одно за другим. Они отступили к китайской границе, и стало ясно, что придётся перейти китайскую границу и прятаться в Китае, чтобы избежать полного разгрома. Пекин предупредил Токио, что ему придётся пойти на разоружение семёновских казаков, иначе это может быть использовано как предлог для вторжения в Китай Красной гвардии.

«...Китайцы категорически заявили, что они не пропустят через границу отряд, если он предварительно не сдаст оружия. С трёх сторон нас теснили красные, силы которых больше чем в десять раз превышали численность отряда. Наш тыл упирался в границу, охраняемую со стороны Маньчжурии китайскими войсками. Настроение этих войск было явно враждебным нам в силу какого-то соглашения, которое существовало между китайским командованием и Лазо» [6].

Гото телеграфировал Хаяси и просил передать китайскому премьеру, что он понимает мотивы китайской стороны, но Пекин должен знать, что Англия, Франция и Япония сделали много для военного оснащения семёновского отряда, поэтому его разоружение неприемлемо, и он просит найти какой-то иной способ для выхода из положения [1, с. 555].

Ситуация с Семёновым, как и другими оппозиционными силами в европейской части, всё более наводила на мысль, что без прямого вмешательства все усилия бесплодны. Но и само вмешательство не внушало ничего хорошего. 15 мая Обата Юкити, вернувшийся из Пекина, чтобы занять очень важный пост заведующего политическим отделом японского МИД, направил Гото обширную докладную записку. *Впечатление, что скоро от стран Антанты и США поступит официальное приглашение к коллективной военной интервенции в России. Учитывая все предыдущие соглашения с ними, вряд ли это предложение можно отвергнуть, хотя получить одобрение японского общественного мнения будет трудно. Расходы на интервенцию слишком велики и могут истощить ресурсы страны. Поэтому до того момента, пока не поступило такое приглашение, необходимо сосредоточиться на помощи силам, представленным Семёновым, Хорватом и Колчаком. Если этот план удастся, то в Восточной Сибири возникнет независимая Россия – надёжный заслон германскому проникновению, не говоря об экономических преимуществах доступа к богатым природным ресурса этого региона [1, с. 534, 535].*

К этому моменту японские военные уже активно контактировали со всеми перечисленными лицами, но полное взаимопонимание было достигнуто только с Семёновым. Критерием оценки этих фигур истории Гражданской войны для японских военных было то, как они относились к возможной японской интервенции. В этом отношении Хорват, как и Семёнов, был отнесён ими к разряду «прояпонских» деятелей. Иную оценку заслужил Колчак. Адмирал был категорически против прямого японского вмешательства и требовал от Японии только денег и оружия. Кроме того, сказывались и личные качества адмирала. После назначения его начальником охраны КВЖД японский генконсул в Харбине Сато жаловался Гото, что на встрече с ним тот вёл себя «крайне высокомерно», требовал, чтобы все вопросы о поставках оружия, планы тактических операций совместно с японцами принимались только после согласования с ним. *Колчак на встрече с генерал-майором Накасима проявил крайнее неуважение к чину японского офицера, держал себя настолько «оскорбительно заносчиво», что генерал вынужден был покинуть комнату, где они разговаривали, жаловался Сато. Позже адмирал просил российского вице-консула в Харбине переговорить с Накасима, чтобы тот не обижался на него. Несмотря ни на что, нам нужно иметь с ним дело, призывал Сато к хладнокровной оценке личности и роли адмирала с учётом сложившейся ситуации [1, с. 539–541].*

А ситуация была таковой, что в своём решении вмешаться в российскую революцию Японии приходилось иметь дело с крайне слабой, разрозненной и враждующей между собой оппозицией большевикам. На тот момент в регионе сложилось три центра антибольшевистского движения:

– во Владивостоке – «Сибирское правительство» («правительство Дербера», образованное в Томске и позже переселившееся на Дальний Восток);

– в Харбине – поначалу «Деловой кабинет» во главе с генералом Хорватом в рамках нового правления КВЖД, затем «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного Собрания», к которому примыкали казацкие атаманы Забайкалья и в первую очередь Семёнов, а также Колчак, прибывший, по его же признанию, по решению англичан;

– в Пекине – «Пекинское правительство» во главе с Путиловым и князем Львовым, главой бывшего Временного правительства [7].

Все три силы были неравноценны и по-разному относились к Японии. Первая и третья хотели японских денег и оружия, но выступали против японского прямого вмешательства. Японию больше всего привлекал Харбинский центр, как наиболее тяготеющий к ней. Но уже в июне 1918 г., когда стало ясно, что интервенции не избежать и её центром станет Владивосток, Токио стал уделять больше внимания Сибирскому правительству. Смягчилось отношение к японцам и самого правительства.

На встрече 21 июня в генконсульстве Японии на Китайской улице, в массивном здании с толстыми колоннами на уровне второго этажа, Дербер говорил вежливые слова Кикуги, а тот в свою очередь заверял, что считает очень важным помощь Сибирскому правительству для укрепления его позиций. На следующий день по инициативе Кикуги в доме на Китайской «для обмена мнениями» по текущей ситуации собрались представители всех антибольшевистских сил города. Они были единодушны в том, что необходимо объединиться под началом Сибирского правительства, и с учётом ослабления большевиков в свете последних событий (выступления против них Чехословацкого корпуса) будет не так сложно добиться успеха. Упоминали о скором приезде во Владивосток военного министра правительства Краковецкого и просили японского консула помочь ему установить связь с японскими военными. Говорили и о намерении направить в Токио одного из своих активистов (Аркадия Петрова) для более подробного освещения деятельности и целей правительства [1, с. 549, 550].

Обо всём этом сообщал в военный штаб присутствовавший на встрече Ёнаи Мицумаса – тогда капитан второго ранга, до этого военно-морской атташе Японии в Петрограде (1915–1917 гг.), теперь прикомандированный к японской эскадре, стоявшей на рейде Владивостока. В будущем полный адмирал, дважды назначавшийся министром флота, а в 1940 г. короткое время премьер-министр Японии, писал, что Дербер с 21 июня скрывался у него на квартире и собирался какое-то время там оставаться [1, с. 550]. Вынужденные прятаться от большевистской власти в городе, члены правительства жили скрытно.

Но инициативу Сибирского правительства, пытавшегося привлечь на свою сторону Японию, и которому, как видно из телеграммы Ёнаи, активно помогало японское генконсульство, перехватил Харбин. Через несколько дней после маленького совещания оппозиционных сил Владивостока, в Токио Крупенский передал Гото обращение другого

собрания – представителей различных кругов российской общественности в Харбине к странам-союзницам с просьбой о вооружённом вмешательстве. Подписано оно было председателем этого собрания – Степаном Васильевичем Востротинным, известным сибирским путешественником и полярником. Передавая его, Крупенский подчеркивал, что просьба адресована всем союзникам, но реально речь идёт, прежде всего, о Японии. Гото, по-прежнему, был осторожен. *До тех пор, пока не будет полного согласия всех стран-союзниц, Япония не станет даже рассматривать этот вопрос* [1, с. 550–553].

Сведения о том, что интервенция уже в повестке дня союзников, дошли и до Чичерина. До этого, как и Троцкий, он и ряд других считали, что странам Антанты не удастся преодолеть нежелание США вмешиваться во внутренние дела России – были очевидны симпатии Вильсона и его единомышленников к большевикам, как они считали, сторонникам демократии, или, по крайней мере, борцам против политической деспотии и реакции. На этом, во всяком случае, в прошлом, в откровенных беседах с ними настаивал американский посол.

Но теперь Френсис был немногословен, и когда 22 июня Арсений Николаевич Вознесенский, заведующий отделом Востока НКВД, приехал в Вологду, чтобы по заданию Чичерина спросить у него напрямую о дате начала интервенции, Фрэнсис отвечал уклончиво, мол, не знает, а если бы и знал, то вряд ли был бы столь же откровенным, как прежде. Но припёртый к стене вопросом о его личном мнении, признался, что это рано или поздно произойдёт [4, р. 221].

Перед этим Вознесенский в Москве 19 июня конфиденциально встречался с японским консулом Уэда. Ссылаясь на официальное поручение, он сделал предложение – направить в Токио советского консула для установления неформального канала связи, пока Япония, как и другие страны, не признала советскую власть. Вознесенский предлагал подписать двусторонние соглашения по торговле и рыболовству, в чём Япония была крайне заинтересована. Он намекал, что скоро будет принято законодательство, позволяющее свободную экономическую деятельность иностранцев в России, включая приобретение земли. Воскресенского интересовало, какой будет реакция Токио в случае, если в связи с мятежом Чехословацкого корпуса, страны Антанты начнут бомбардировки Архангельска и объявят войну советской власти.

Комментируя эти предложения, Уэда писал Гото, что *Чичерин, скорее всего, не в курсе этой инициативы, и она принадлежит Карахану. Большевики, видимо, пытаются вбить клин в отношения Японии с остальными странами Антанты* [8, с. 462, 463].

Но в это бурное время события намного опережали любые намерения и планы. 28 июня 1918 г. власть во Владивостоке от Советов перешла к чехословакам. Теперь они были хозяевами в городе и патрулировали его улицы вместе с японцами и англичанами. Морские пехотинцы с «Бруклина» тоже высадились на берег, но охраняли лишь американское генконсульство и прилегающее к нему пространство.

События во Владивостоке в корне изменили позицию Англии и Франции. Выступавшие за диалог с большевиками в надежде склонить их к сотрудничеству, страны Антанты теперь выступали за незамедлительную интервенцию. В меморандуме английского посольства в Токио признавалось, что *попытки договориться с большевиками стоили странам Антанты*

утраты поддержки со стороны российской буржуазии и были «потерей бесценного времени». Теперь же настало время действовать, тем более что за интервенцию международных сил выступают все политические силы, кроме большевиков [3, с. 885, 886].

6 июля в Белом доме при участии президента Вильсона состоялось совещание, которое положило конец колебаниям и приняло решение об интервенции вместе с Японией. Главный мотив – помощь чехословакам оружием, оплату за которое США готовы были частично взять на себя. Предлагалось также послать в помощь некоторое количество войск в одинаковой пропорции – по 7 тыс. человек от США и Японии для охраны железнодорожного пути продвижения чехословаков на запад для соединения со своими собратьями в разных частях сибирской железной дороги [4, р. 263, 264].

Владивостокские события подстегнули Харбинский центр. 8 июля Крупенский передал Гото сообщение от Хорвата. На собрании представителей разных организаций было создано правительство. Главой единогласно избран Хорват, который заявил, что согласился на эту роль до созыва конституционного собрания. Понимая, что для признания этого правительства потребуется время, Хорват просил выразить ему поддержку и рассмотреть вопрос об оказании помощи. Японский министр был крайне осторожен. *Япония, разумеется, симпатизирует этому правительству, но она никак не может одна определять позицию к нему* [8, с. 559].

Похоже, японское правительство склонно считать неоправданной любую попытку военной акции, пока не будет достигнуто согласие всех союзников, докладывал Моррис в Вашингтон 1 июля из Токио. Он писал об этом, сообщая, что после захвата Владивостока в ожидании неминуемых атак Красной армии командир «Бруклина» адмирал Найт, а также английский и французские консулы обратились к японцам с просьбой о предоставлении чехословакам 30 пулеметов и нескольких батарей горной артиллерии. Японцы быстро откликнулись на эту просьбу, но посылать войска не собиралась [4, р. 239].

После упомянутого совещания в Белом доме в Токио какое-то время изучали американские предложения. Решение об интервенции принималось в сложных условиях. Впервые посылка войск за рубеж не получала активной поддержки общественного мнения. А в ведущих политических партиях явно преобладали те, кто призывал «не спешить» и не принимать опрометчивых решений. 11 июля газеты сообщали о том, что в руководстве правящей партии Кэнсэйкай ещё не принято решение в отношении интервенции, но большинство склоняется к тому, что для Японии она непосильна. Ведущая оппозиционная партия Сэйюкай во главе с Хара Такаси (через пару месяцев он станет премьер-министром Японии), не высказывала открыто своего неприятия интервенции, но было очевидно, что она против.

Большие сомнения были и среди влиятельных членов Временного совета по внешней политике. Созданный в начале июня 1917 г., Совет был задуман как надпартийный орган в прямом подчинении японскому императору, в компетенции которого было рассмотрение самых важных стратегических вопросов внешней политики и принятие решений по ним. В Совет, помимо Тэраути, который его возглавил, входили министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, министр внутренних дел, упоминавшийся Хара Такаси, лидер партии Кокуминто Инукаи Цуёси и еще трое из Тайного совета и Палаты пэров,

среди которых был и Макино Нобуаки. Это была уловка Тэраути, который, под предлогом необходимости единства всех ветвей власти в годы испытаний, пытался принимать решения без одобрения и обсуждения их в парламенте [5, 03; 04; 05.06. 1917].

Утром 13 июля Тэраути, Гото, Осима и Танака были вызваны во дворец к императору, а во второй половине этого же дня Тэраути вернулся туда же для доклада монарху о текущей ситуации и ответов на его вопросы [5, 11.07.1918]. А 15 июля состоялось совещание в присутствии императора с участием гэнро. Как уже было не раз в японской истории Новейшего времени, такие совещания принимали решения, которые определяли внешнеполитический курс страны на перспективу. На этот раз чёткого решения об интервенции в Сибири так и не последовало [5, 15.07.1918].

Оставались большие сомнения и несогласие некоторых ключевых фигур. Приехавший из Петербурга ещё в марте, Утида всё ещё рассчитывал вернуться к своим обязанностям, но уже в Москву. Теперь же, когда замаячила перспектива прямой военной интервенции, 15 июля он без всяких колебаний покинул свой посольский пост. Газеты утверждали, что он категорически выступал против военного вмешательства в российские дела [5, 17.07.1918]. Это, по-видимому, стало главной причиной того, что уже в ноябре Утида сменил на посту министра иностранных дел того, кому сейчас вручил своё прошение об отставке.

Из гэнро Сайондзи и Мацуката пока не давали своего согласия. Окума, который не был гэнро, но пользовался авторитетом у императора, был явно против. Гото по поручению Тэраути специально ездил к нему, чтобы выяснить его точку зрения и пригласить на заседание в императорском дворце. Старый политик выслушал молча и без комментариев, но на заседание так и не приехал, сказавшись больным. Его ближайший сподвижник и «правая рука» в кабинете министров военного времени – Като Такааки, председатель крупнейшей оппозиционной партии Кэнсэйкай, всем поведением демонстрировал своё несогласие с решением об интервенции и ещё раньше отказался от участия во Временном совете по внешней политике.

В самом Совете разногласия были настолько большими, что он никак не мог принять окончательное решение. Против интервенции активно выступал Макино Нобуаки, которого поддерживал адмирал Ямамото Гонбэй, не входивший в состав Совета, но сохранявший сильные позиции в политической элите. Все они были выходцами из Сацумского клана, и это давало повод говорить, что по вопросу об интервенции произошёл раскол между двумя кланами – Сацума и Тёсю, представленным маршалом Ямагата и Тэраути, сторонниками интервенции [5, 16.07.1918].

Самым сильным козырем в руках сторонников интервенции была позиция США – ведь именно Вашингтон предложил совместную военную акцию, а Гото неоднократно подчёркивал, что без поддержки Вашингтона Япония не станет посылать свои войска в Россию. Теперь же, когда американцы сделали своё предложение, 17 июля Гото через Исии передал Лансингу японскую реакцию на них. *Насчёт оружия чехословакам – проблем нет, оно уже отгружено. Что же касается непременно равного количества войск, то это задевает чувства японцев – их подозревают в амбициозности и стремятся связать им руки* [3, с. 919, 920]. Чтобы сгладить впечатление о недоверии к Японии, которое реально существовало, Лансинг через Исии дал знать, что США не имеют ничего против, если войска

двух стран возглавит японский генерал [3, с. 921]. Этого жеста, чисто символического по существу, было недостаточно, и 19 июля Гото направил в Вашингтон развёрнутый меморандум с проектом японской Декларации о посылке войск в Россию. Помимо выражений дружественного отношения к России и искреннего желания помочь ей в тяжёлую минуту в самом начале и заверения в полном выводе войск после завершения миссии, декларации уважения территориальной целостности и невмешательства в её внутренние политические и военные вопросы, в нём говорилось о решении направить во Владивосток в достаточном количестве войска для использования в кризисных ситуациях и отдельно войска для охраны Сибирской железной дороги. Реальные намерения Токио более полно отражала объяснительная записка Гото к тексту меморандума, содержание которой японскому послу в Вашингтоне Исии нужно было довести до сведения Лансинга устно:

- *Япония не может согласиться с позицией Белого дома, который сводит цель интервенции исключительно к охране передвижения чехословаков по железной дороге.*

- *Учитывая её положение и интересы в Восточной Азии, Японии должна принадлежать главная роль в восстановлении порядка в Восточной Сибири, как и преимущественное право голоса, по крайней мере, в сравнении с другими странами, что само по себе расходится с предложением США о посылке одинакового числа войск.*

- *Направление войск в другие части Восточной Сибири, их количество и характер действий – эти вопросы должны решаться самой Японией без предварительного их формулирования, но при обязательстве в последующем ставить в известность о них другие страны.*

- *Различие в позициях сторон не даёт возможности выступить с общей декларацией о целях интервенции, поэтому каждая из стран – участниц международных сил должна выступить со своим собственным заявлением, при этом Япония обещает ознакомить США с проектом своего заявления.*

- *Япония намерена направить без промедления вооруженные силы разных видов в составе одной дивизии.*

- *Для охраны железной дороги от подрывных действий австрийских и германских военнопленных будет направлено достаточное количество войск.*

- *Всё перечисленное предпринимается не в рамках самообороны Японии, а в общих целях, вопросы же самообороны будут решаться отдельно.*

- *Охрана японскими вооруженными силами Сибирской железной дороги не ставит под угрозу участие и компетенцию американской группы инженеров и техников, которые уже занимаются вопросами технического обслуживания дороги [3, с. 922–925].*

Фрэнк Полк, замещавший Лансинга, на встрече с Исии 26 августа сделал несколько замечаний по тексту, главным образом, стилистических, но пункт об «интересах» Японии в Восточной Азии просил убрать вообще. *Это не соответствует соглашению Лансинг – Исии. Главнокомандующим будет японец, а число японских войск будет явно больше остальных с учётом географии и занятости войск других стран в европейской войне – разве это не признание этих интересов?* [3, с. 932–934; 4, р. 306, 307].

В дни, когда Токио и Вашингтон согласовывали свои позиции, положение на фронтах в Забайкалье и на подступах к Владивостоку резко усложнилось. Части Красной гвардии,

разгромившие казаков Семёнова, вытеснив их к пограничной с Китаем станции Маньчжурия, успешно продвигались в сторону Владивостока. В составе большевистских частей было так много немецких и австрийских военнопленных, что в своих военных сводках англичане называли их «германскими частями». В противостоянии с ними положение чехословаков было критическим, и 3 августа Англия направила срочно из Владивостока в Никольск (Уссурийск) отряд в 700 человек. Ожидалось прибытие французов [4, р. 326, 327].

Декларация японского правительства о направлении войск во Владивосток, под которой стояли подписи всех членов кабинета министров Тэраути и первой была его собственная, появилась вечером 2 августа 1918 г. в «Правительственном вестнике». На следующий день её можно было прочитать во всех японских газетах. Из тех газет можно было узнать о расстреле в Петербурге «трёх великих князей» [5, 3.08.1918]. Информация из Амстердама была, скорее всего, неточной. Не трёх, а четырёх великих князей, в том числе Георгия Михайловича, которого лишь два с половиной года назад с помпой встречали в Токио, в конце января 1919 г. казнили в Петропавловской крепости в отместку за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но за две недели до этого в Екатеринбурге расстреляли всю царскую семью. И хотя глухая информация о случившемся достигла Японии только в конце августа, всё, что происходило в России, реально напоминало катастрофу, и поэтому слова об искреннем желании помочь восстановлению порядка в России и избавлению от хаоса встречали сочувствие.

Те, кто называл интервенцию безрассудной и опрометчивой, теперь молчали и даже соглашались, а подготовка к масштабной высадке войск во Владивостоке вместо тревоги приобрела даже некоторую торжественность и важность момента. О ней писали много и в подробностях. Имя командующего поначалу держалось в секрете. 9 августа утренние газеты вышли всё ещё с пустыми кружочками вместо имен командующего, его заместителя и членов штаба, а днём на улицах продавали экстренные выпуски, где уже можно было прочитать их имена. Командующий – Отани Кикудзо. Два года ранее он получил звание маршала. Майором, а затем подполковником в первую японо-китайскую войну служил в императорской ставке в Хиросима, где вполне мог пересекаться с российским генералом Вогаком. Закалку боевого офицера получил в русско-японскую войну, когда командовал батальоном в 4-й армии. Теперь он покидал пост начальника гарнизона японских войск в бывшей германской колонии Циндао. Вероятно, опыт командования крупной армией за пределами страны был учтён при его назначении. Начальником штаба стал генерал-лейтенант Юи Мицуэ, тоже с опытом русско-японской войны. Уже в следующем году он покинет Владивосток и направится в Циндао, чтобы стать там военным комендантом [5, 10.08.1918; 9, Aug 12, 1918].

Войска провожали с помпой с Токийского вокзала 12 августа 1918 г. Контрастом строгой секретности и цензуры в отношении любой информации о подготовке к интервенции выглядело теперь сообщение военного министерства не только о времени отхода поезда, но и поминутном расписании прибытия войск на все станции длинного пути от Токио до Хиросима, откуда на кораблях они направлялись во Владивосток. Особую важность момента подчёркивало и то, что за два дня до этого, ранним утром 10 августа, командование экспедиционной армии в полном составе выехало с другого вокзала в Уэно (г. Никко), где в

своей летней резиденции в Тамодзава, как обычно в это время года, спасался от столичной духоты и зноя император.

Торжественность момента, включая прощальный банкет от имени военного министра Осима и начальника генштаба Уэхара на следующий день 11 августа, была испорчена тем, что как раз в эти дни правительству пришлось направлять войска и в другие места, но уже в своей собственной стране. Страницы газет с фотографией генерала Отани, с рукой под козырек направлявшегося к поезду, пестрели крупными заголовками о беспорядках и волнениях среди населения, громившего продовольственные магазины в Кобэ и Кито, куда на помощь полиции спешили войска [5, 13.08.1918]. Это были «рисовые бунты», причиной которых послужило резкое повышение закупочных цен из-за огромных расходов государственного бюджета и необходимости больших запасов продовольствия для армии, связанных с началом сибирской интервенции.

Рано утром 21 сентября Тэраути посетил императора. После небольшого доклада о ситуации в стране он вручил монарху своё прошение об отставке, сославшись на плохое состояние здоровья [5, 22.09.1918]. Это было правдой, он давно болел и скончался через год, в начале сентября 1919 г. И всё же главной причиной была неспособность кабинета министров предотвратить внутреннюю смуту. «Рисовые бунты» сильно раскачали ситуацию в стране, где стабильность была и остаётся главным мериллом успеха правящей элиты.

Пришедшее на смену правительству возглавил председатель партии Сэйюкай Хара Такаси, после того как от поста премьера категорически отказался Сайондзи. Слабость этого кабинета была не в том, что его возглавила «случайная личность» – человек без высоких дворянских и военных титулов. Сибирская интервенция стала ещё одним шагом к резкому росту влияния военных в политическом процессе. Им, а не дипломатам теперь принадлежала главная роль в определении линии поведения в сложнейшей и абсолютно беспрецедентной в японской истории (не считая корейских походов Тоётоми Хидэёси в конце 16 века) военной операции за рубежом, в которой политические задачи были намного сложнее чисто военных [10, p. 518].

Эти задачи стали особенно сложными после того, как в дни, когда японские войска в Хиросима садились на корабли, чтобы отправиться во Владивосток, бои союзников при Амьене на севере Франции принесли долгожданную победу и оказались переломными в ходе войны и очень быстро привели к краху Германской империи. Это лишило сибирскую интервенцию двух основных её предлогов – германской опасности и помощи чехословакам. Теперь военное вторжение на российский Дальний Восток приобретало явный характер вмешательства во внутренние дела против одной из враждующих сторон гражданской войны.

Библиографический список

1. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 14 «Антибольшевистские силы» / МИД Японии. Токио, 1968.
2. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 2–1. Дело 4 «О заключении японо-китайского военного соглашения» / МИД Японии. Токио, 1969.

3. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 15 «Посылка войск в Сибирь» / МИД Японии. Токио, 1968.
4. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. II.
5. Асахи.
6. Атаман Семёнов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. URL: <http://statehistory.ru/books/Ataman-Semenov-o-sebe--Vospominaniya--mysli-i-vyvody/> (дата обращения: 05.07.2017).
7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-Пресс, 2008. URL: <http://istmat.info/node/25476> (дата обращения: 05.07.2017).
8. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 13 «Революция в России» / МИД Японии. Токио, 1968.
9. New York Times.
10. United States Department of State. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. The Paris Peace Conference. Volume II.

Поступила в редакцию 05.07.2017

Автор:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Japan's Intervention in Siberia. Prelude

(Part 2)

K.O. Sarkisov

Japan's intervention in Siberia is one of the dark pages in the history of bilateral relations as well as of Japan's foreign policy. Japanese, American and Soviet archives give a better understanding of how this adventurous enterprise has begun and what forces and interests have worked behind it.

Keywords: revolution, Russian Far East, Czechoslovak corps, weakness of opposition, Goto Shimpei, Chicherin.

Received 05.07.2017

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com